

УДК 930.85
DOI: 10.17223/19988613/61/17

А.В. Парунин

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКЕ МОСКВЫ С НОГАЙСКОЙ ОРДОЙ И ДИНАСТИЕЙ СИБИРСКИХ ШИБАНИДОВ В КОНЦЕ XV – XVI вв.

В статье рассматривается такая особенность средневековой дипломатической переписки, как оформление представлений о легендарных и реальных контактах Москвы и тюрко-татарских государств с целью необходимого политического статуса. В исследовательской литературе за подобными процессами закрепилось устойчивое понятие «образы прошлого». В подтверждение данной гипотезы в работе рассмотрены конкретные факты из дипломатических документов, а также дан краткий анализ этих сведений.

Ключевые слова: ногаи; шибаниды; дипломатическая переписка; Ибак; Муса; Ших-Мамай; Идегей.

Под термином «образ прошлого» в современной исследовательской литературе понимаются «представления о наиболее значимых исторических событиях, людях, процессах, закреплённых в общественном сознании в форме устойчивого кода (набора символов)» [1. С. 249]. При этом само понятие выступает как базовая единица исторической памяти. В рассматриваемую нами эпоху (XV–XVI вв.) основным транслятором упомянутых механизмов в кочевой среде являлись предания, сказания, легенды, закреплявшиеся в сознании людей, которые чаще всего либо передавались неполно, либо были существенно искажены. По мнению Л.Н. Мазура, главным регуляторами в традиционном обществе исторической памяти выступают религия и церковь [Там же. С. 247]. Однако в кочевом обществе формирование устных элементов образов прошлого связано с сакрализацией генеалогии правящей династии (например, сакрализация Золотого рода в сюжетах «Сокровенного Сказания»). Частично подобные процессы характерны и для феодального общества (в данном случае – Московское великое княжество / царство), где устные элементы образов прошлого постепенно вытесняются письменными.

В данной статье образы прошлого рассматриваются как структурный компонент выстраивания дипломатических отношений Москвы с представителями ногайской элиты и ханов из династии сибирских шибанидов, поскольку именно эти государственные образования использовали концепт «дружеских отношений» с Москвой для укрепления своего политического статуса и влияния в регионе.

Однако бывали и исключения. Причины крупного нашествия на Москву в 1408 г. мангытский темник Идегей озвучил в грамоте московскому великому князю Василию, в которой обвинил последнего в укрывательстве детей его злейшего врага Токтамышша, а также прямо обвинил князя в неучастии в политической жизни Золотой Орды. Помимо всего прочего, Идегей печалился, что прежние устоявшиеся отношения были нарушены: «Ино то не добро, а преже сего улус был царев и державу дер-

жал, и пошлины и послов царевых чтили, и гостей держали без истомы и без обиды; и ты бы спросил старцев, како ся деяло преже сего» [2. С. 210]. Вне сомнения, темник здесь выступает хранителем традиционных ценностей и сложившихся русско-ордынских отношений и призывает вернуться к ним Василия Дмитриевича.

В рамках транслирования традиционных ценностей можно привести еще два примера. В 1506 г. послы крымского хана, присутствуя на пиру польского короля Александра Ягеллона, вспоминая о прошлых отношениях литовцев и татар, приводили имена предшественников Менгли-Гирея, начиная с Токтамышша и заканчивая ныне здравствующим ханом. Помимо данного эпизода В.В. Трепавлов также упоминает грамоты крымского царевича Ахмед-Гирея к польскому королю Сигизмунду 1511 и 1514 гг., где приводятся отсылки ко временам «великого князя Витовта... Царя Тактамышша и... великого царя Магометя», упоминаются «перши отцы и деды наши Тохмамыш» [3. С. 282. Прим. 33]. Безусловно, представители крымского хана и царевича апеллировали к конструированию прежних отношений для подчеркивания исключительно мирного характера переговоров. К сожалению, контекст посланий нам неизвестен, хотя приводимые ниже примеры использования общего исторического прошлого Москвы и ногаев говорит в пользу подобной трактовки.

Дипломатическая история Ногайской Орды получила свой толчок в конце 80-х гг. XV в., когда объединенное посольство мурз Мусы, Ямгурчи, тюменского хана Ибака прибыло в Москву по вопросу освобождения казанского хана Али, свергнутого Москвой в 1487 г. Поскольку правящая элита ногаев не принадлежала к династии чингизидов, со времени Идегея, начиная с золотоордынского хана Тимур-Кутлука, она использовала в своих военно-политических целях легитимных династов. Не стал исключением и тюменский хан Ибрагим (Ибак), в коалиции с которым ногаи в январе 1481 г. убили большеордынского хана Ахмата. Военная сила Ногайской орды была признана, настало время дипломатических маневров.

Одним из наиболее распространенных конструктов образа прошлого в сохранившихся ногайских дипломатических книгах можно привести полностью: «Государь мой Муса мурза к тебе приказывал: дед мой, Едигей князь, с твоим дедом в дружбе и в братстве были, а отец мой с твоим отцом также в дружбе и в братстве были, а дядя мой, Темир князь, с тобою в дружбе и в братстве был. Ты бы пожаловал, яз хочю с тобою но тому ж в дружбе бытии, сыном или братом себе меня учинишь, как пожалуешь. А в нашей бы дружбе от тебя бы к нам послы ездили, а от нас бы к тебе после ездили» [4. С. 28]. Механизм формирования «идеального прошлого» имеет вполне практические цели: установление прочных и систематических дипломатических отношений. Не совсем ясно, сработал ли именно этот прием (можно не сомневаться, что Иван III знал или догадывался об истинной «дружбе» Василия Дмитриевича и Идегея), но в итоге посольство Мусы и Ямгурчи было успешным. Отметим, что этот элемент стал наиболее часто используемым явлением в русско-ногайской переписке [4. С. 38, 203, 312; 5. С. 72].

Между тем и сам Муса мурза стал объектом конструирования образов прошлого в русско-ногайских отношениях. Князь Ших-Мамай в грамоте, отправленной осенью 1549 г., упоминает, что «при наших прежних, при Окасе князе и при Мусе князе, и при Шигым князе, и при Кад Ахмеди князе, и при твоём деде, при Василье князе, наши добрые люди хаживали, и казну с ними посылавали, а и ваши з добрым боярином казну присылавали. От начала ведетца, что меж себя брань воздвигли. А ныне есми на отца своего юрте князем учинился. Мы вам посмотрелися лихи и послы наши лихи же. А тому уже пять лет как от тебя к нам человек доброй не бывал» [4. С. 245]. Использование новым князем факта существования прежних дружеских отношений имело сугубо ретроспективную задачу – вернуть прежнее мирное время.

Отдельного внимания заслуживают еще два эпизода из дипломатической переписки. В мае 1535 г. ногайский князь Саид-Ахмед отправил юному князю Ивану Васильевичу послание, где использовал нетипичные для ранней переписки приемы коммуникации: «Победителя Сеид Ахматово княжое слово неправому верою Ивану ведомо б было... Слава Богу, Темир Кутлуевы царевы дети нам повинилися, Иваков царев сын и тот нам повинился со всеми своими товарищи и слугами. Казатцкой царь Хозя Махмет царь с пятнадцатью сынами у нас живет, триста тысяч моих казаков» [Там же. С. 130–131]. В.В. Трепавлов, рассмотрев данный эпизод, связывает пафос послания с победами над Казанским и Крымским ханствами, совершенными в 1520-е гг. [6. С. 189]. Действительно, риторика приведенных отрывков резко противоречит более ранним. Если же попытки создания общего исторического прошлого в текстах грамот явно связывались с желанием ногайских лидеров «братства похотити» с Москвой, то здесь Саид-Ахмед уже отталкивается от приобретенного опыта политиче-

ского доминирования в регионе, как бы отказывая Ивану в равноправном с Ногайской Ордой статусе.

Второй эпизод связан с посольством царя Дервиша к царю Ивану Васильевичу, совершенным в октябре 1552 г. Характерен он прежде всего инициативой символического подчинения законному монарху, выдвинутой мирзой Белек Булатом: «Белек Булат мирза христианскому царю белому государю много много поклон. Молвя, ведомо бы было. В той земле он сказываетца Чингисовым прямым сыном и прямым государем царем называетсяца, а в сей земле яз Идигиевым сыном зовуся» [5. С. 79–80].

Обращает на себя внимание несколько моментов. Во-первых, упор на религиозность. Титулование «белым царем» В.В. Трепавловым объясняется постулированием образа идеального православного государя [7. С. 54–55]. Во-вторых, вполне вероятно, с идеализацией связано именование Ивана сыном Чингис-хана, т.е. инкорпорация князя в этногенетический миф «Золотого рода», транслируемый монгольскими и персидскими источниками, создававшимися при потомках первого монгольского каана Угэдэя («Сокровенное Сказание», Рашид ад-Дин, Джувейни). В-третьих, в качестве сакрального первопредка приводится вновь Идегей, что сближает сюжет с вышеуказанной концепцией «образа прошлого». Отличие лишь в добровольном отказе от статуса равноправных отношений.

Спорадический дипломатический обмен на протяжении конца XV и второй половины XVI в. происходил между Москвой и представителями сибирских шибанидов – ханов Ибака и Кучума, являвшихся наиболее знаковыми лидерами Тюменского и Сибирского ханств. Известны как минимум три грамоты Ибак-хана к московскому князю. Первая, 1481 г., дошла до нас в виде летописного отрывка, опубликованного в Архангелогородском летописце [8. С. 95]. Текст второй грамоты 1489 г. опубликован в ногайской посольской книге [4. С. 19]. Грамота не содержит свидетельств об общем прошлом. Ибак-хан использует религиозный контекст («Яз – бесерменский государь, а ты – христианской государь») для конструирования братских и равноправных отношений.

Наибольший интерес для нас представляет третья грамота, прибывшая в Москву в ноябре 1493 г. [4. С. 46]. Уместно привести ее целиком: «Ибряимово слово. Великому князю Ивану, брату моему, поклон. После того ведомо бы было, слово то стоит: промез Ченгосовых царевых детей, наш отец Шибал царь стоит с твоим юртом в опришнину, и друг и брат был; от тех мест меж нас ту Атамыров до Номоганов юрт ся учинил, а мы учинили далече, а с тобою меж нас добрые ссылки не бывало. Ино мне счастье дал Бог, Тимер Кутлуева сына убивши, Саински есми стул взял; да ещо сам с братьями и с детьми условившыся, а великого князя детей на княженье учинив, на отцов юрт на Волзе пришед стою. Ино как по первым по нашим, по тому же братству нашему примета, Алягам царь стоит,

того прошу у тебя, да как его дашь нам, и дружбу и братству примета то стоит. Да отца своего места ищущи, на Темер Кутлуева сына ратью сел есми на конь. Да еще Алягама царя как дашь нам, после того твоему недругу недруг стою и твоему друг другу стою. Да се братство отведати, Чюмгуром зовут, слугу своего послал есми. Да еще нас назовешь себе братом своим, с добрым человеком Чюмгура отпустишь, ты ведаешь».

Текст грамоты неоднократно являлся объектом анализа в исследовательской литературе [9. С. 177; 10. С. 30–31; 11. С. 270]. На наш взгляд, обращение к реконструкции общего прошлого напрямую связано с общей политической ситуацией в регионе, а именно с участием ногаев и шибанидов в военных действиях против сыновей большеордынского хана Ахмата, постоянно совершавших набеги на «украины» Москвы и Крыма. Рассуждение Ибак-хана о своем «отце Шибале» (т.е. родоначальнике династии Шибане, сыне Джучи), чей юрт стоит с «юртом» Ивана III в «опришнину» («в особенности», т.е. два государственных образования находятся в особенных отношениях – прим) необходимо было для подчеркивания исключительно мирных намерений со стороны хана по отношению к Московскому княжеству. Воспоминание о смерти «Тимер Кутлуева сына» (убийстве большеордынского хана Ахмата в 1481 г.), можно трактовать как отсылку к недавним заслугам Ибак-хана, за что его посол Чюмгур в 1481 г. получил подарок [8. С. 95]. Подобная своеобразная реконструкция дружественных отношений нужна была лидеру Тюменского ханства из чисто практических соображений: в финальной части грамоты было выдвинуто требование отпустить бывшего казанского хана Али, свергнутого в 1487 г., вопрос о котором поднимался еще во время посольства 1489 г.

Столетие спустя усилившееся военно-политическое давление на элиту и подчиненные народы Сибирского ханства привело к очередному обращению к образам прошлого, однако инициатором здесь явилось Московское царство. Так, в жалованной грамоте 1597 г. царя Федора Ивановича к царю Кучуму подытоживается более чем столетняя история взаимоотношений Моск-

вы с беспокойным восточным соседом: «Из давних лет Сибирское Государство была вотчина прародителей наших, блаженные памяти Великих государей русских царей, как еще на Сибирском государстве был дед твой Ибак царь, и з Сибирские земли всякую дань давали нашим прародителем Великим государем царем; а после деда твоего Ибака царя, были на Сибирском Государ[стве] князи Таибугина роду Магмет [князь], [по]сле его Казы князь, а после Казыя Едигерь князь, и те все князи деду нашему, блаженные памяти, Великому государю царю и Великому князю Василью Ивановичу всеа Руси, и отцу нашему, блаженные памяти, Великому государю царю и Великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, с Сибирские земли дань давали» [12. С. 187]. Приведенная цитата является знаковым примером манипулирования образами прошлого для достижения собственных политических интересов в борьбе с чингизидом-антагонистом. Грамота представляет всю историю сибирско-московских отношений как иерархичную, причем в случае с князьями «Тайбугина рода» составитель был недалек от истины. В 1555 г. князь Едигер стал данником московского князя [13. С. 248], и на протяжении последующих нескольких лет Тайбугиды выплачивали регулярную дань [13. С. 248, 276, 285; 14. С. 313]. Именуемая в нашем распоряжении информация говорит об отсутствии подчиненных отношений Ибак-хана и Ивана III, что наводит на мысль о желании московского царя, прибегая к идеализации прошлых отношений, урезонить мятежного хана.

Несомненно, что попытки создания и манифестации общего исторического прошлого в официальной документации имели конкретные политические цели и задачи. Вместе с тем явно прослеживается и аспект становления национального самосознания, особенно в среде политической элиты Ногайской Орды. Стремясь обособиться политически и получить равноправный статус, ногайские мурзы и князи всячески стремились к налаживанию компромиссных отношений с Москвой, используя в качестве инструмента апелляцию к истории прошлых отношений. Не избежали такой тенденции и ханы из династии Шибанидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мазур Л.Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 243–256.
2. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1901. Т. 12. 266 с.
3. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М. : Квадрига, 2015. 368 с.
4. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала : Даг кн. изд-во, 1995. 357 с.
5. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1551–1561 гг. Казань : Татар. кн. изд-во, 2006. 391 с.
6. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М. : Восточная литература РАН, 2002. 752 с.
7. Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2017. 320 с.
8. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVII вв. // ПСРЛ. Л. : Наука, 1982. Т. 37. 235 с.
9. Григорьев А.П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Востоковедение. 1985. Вып. 11. С. 160–182.
10. Бустанов А.К. Деньги и письма сибирских ханов. Опыт источниковедческого исследования. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 60 с.
11. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб. : ЕВРАЗИЯ, 2012. 464 с.
12. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. ПСРЛ. Т. 13: Первая половина. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1904. 303 с.
14. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. ПСРЛ. Т. 13: Вторая половина. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1906. 238 с.

Alexey V. Parunin. State Research and Production Center for the Protection of the Cultural Heritage of Chelyabinsk Region (Chelyabinsk, Russia). E-mail: therion12399@gmail.com

THE IMAGES OF THE PAST IN MOSCOW'S DIPLOMATIC CORRESPONDENCE WITH THE NOGAI HORDE AND THE DYNASTY OF SIBERIAN SHIBANIDS IN THE LATE 15TH AND 16TH CENTURIES

Keywords: nogai; Shibanids; Diplomatic correspondence; Ibak; Musa; Shih-Mamay; Ideegay

As the goal of the research in this article, the author formulated the question - how images of the past (real or imaginary) broadcast in diplomatic documents affect the nature of the relationship between the two states. For example, in the reading of Fyodor Ivanovich to the Siberian Tsar Kuchum in 1597, the subordinate position of the latter to Moscow was emphasized. The ideological substantiation of this status to the tsar was seen in an attempt to present the history of the Siberian Turkic-Tatar khanates as a Moscow tributary.

The source of the research is the Russian-Nogai diplomatic correspondence of the late 15th and 16th centuries, as well as the letter of Tsar Fedor Ivanovich to Kuchum in 1597. As an additional argument, historical examples of Russian-Horde and Lithuanian-Horde relations of the 15th-early 16th centuries are given in reading and writing and Russian annals.

In the course of the research, the author came to the following conclusions:

1. The elements of appealing to the common historical past were most consistently manifested in the Nogai diplomatic correspondence, which was due to the desire of the Nogai leaders to enlist the support of Moscow and to increase their status among the Turkic-Tatar states of the 15th-16th centuries. The use of similar mechanisms in diplomatic correspondence between Moscow and Shibanid khans was sporadic and depended on specific political conditions.
2. The image of the past is a structural element of historical memory, which in the late Middle Ages, in addition to written sources, includes folklore (legends, legends, etc.), which is partly confirmed by letters from Ibak Khan and Fyodor Ivanovich. The remaining documents contain real facts (although somewhat idealized) of past relations between the two states. In this case, we are talking about the Moscow state and the Nogai Horde. Representatives of the Nogai elite, wishing to obtain a "fraternity" with Moscow, used the biographies of their outstanding predecessors, namely, the all-powerful Temeik Imedei, who allegedly had a peaceful relationship with Prince Vasily Dmitrievich. In the middle of the XVI century, mention was made of information about the Murga Musa, Prince Abbas and others, mentioning the idea of Edgee, known leaders of the late 15th century.
3. The diploma of Ibak Khan in 1493 contains a more complex historical retrospective. The references to the "Shibal the Tsar" date back to the ancestor of the dynasty, the son of Juchi Shiban, who participated in the Western campaign of 1236-1242. The fact of the supposedly "special" relations between Chingizid and the Muscovite sovereigns definitely hints at the need to build similar relations in modern times. In addition to purely ideological background, the Tyumen Khan advanced and became traditional demands for the release of his ally - the Kazan khan Ali.

REFERENCES

1. Mazur, L.N. (2013) The image of the past: historical memory formation. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki – Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts.* 3(117). pp. 243–256. (In Russian).
2. Platonov, S.F. (ed.) (1901) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. St. Petersburg: Tipografiya I.N. Skorokhodova.
3. Trepavlov, V.V. (2015) *Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatory* [Steppe empires of Eurasia: the Mongols and Tatars]. Moscow: Kvadriga.
4. Ledasov, B.A. (ed.) (1995) *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489–1549 gg.* [Foreign Office documents on Russia's relations with the Nogai Horde in 1489–1549]. Makhachkala: Dag kn. izd-vo.
5. Usmanov, M. (ed.) (2006) *Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1551–1561 gg.* [Foreign Office documents on Russia's relations with the Nogai Horde in 1551–1561]. Kazan': Tatar. kn. izd-vo.
6. Trepavlov, V.V. (2002) *Istoriya Nogayskoy Ordoy* [History of the Nogai Horde]. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Trepavlov, V.V. (2017) "Belyy tsar". *Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv* [The White Tsar. The image of the monarch and the idea of citizenship in the Russian peoples in the 15th – 18th centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko.
8. Kazakov, N.A. & Serbina, K.N. (eds) (1982) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. Leningrad: Nauka.
9. Grigoryev, A.P. (1985) *Shibanidy na zolotoordynskom prestole* [Shibanids on the Golden Horde throne]. *Vostokovedenie.* 11. pp. 160–182.
10. Bustanov, A.K. (2011) *Den'gi i pis'ma sibirskikh khanov. Opyt istochnikovedcheskogo issledovaniya* [Money and letters of the Siberian Khans. Experience of source study]. LAP LAMBERT Academic Publishing.
11. Pochekaev, R.Yu. (2012) *Tsari Ordynskie. Biografii khanov i pravitely Zolotoy Ordoy* [The Kings of Ordyn. Biographies of khans and rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg: Evraziya.
12. Iskhakov, D.M. (2006) *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo khanstva. Ocherki* [Introduction to the history of the Siberian Khanate. Essays]. Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
13. Platonov, S.F. (ed.) (1913) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13(1). St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
14. Platonov, S.F. (ed.) (1913) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13(2). St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.